

УДК 821.161.1-31
DOI 10.20339/PhS.3-25.068

О.В. Богданова

«Самый сильный» рассказ Михаила Шолохова («Родинка»)¹

Рассматривается вопрос эволюционирования художественного мировоззрения Михаила Шолохова и становление поэтики его ранних произведений. На примере самого первого рассказа Шолохова «Родинка» выявляются точечные черты христианской символики, к которой впоследствии будет активно прибегать писатель. Цель настоящей работы — определить специфику образно-мотивных и структурно-композиционных особенностей рассказа «Родинка» и определить их роль в динамике совершенствования творческого мастерства писателя. Отмечается, что, признанный критикой как «самый сильный» из «Донских рассказов» писателя, на самом деле ранний текст Шолохова выстроен весьма схематично и тенденциозно. «Родинка» — первая проба пера молодого журналиста-комсомольца, еще только искавшего свое место в литературе. Прослеживаются «двоичная» контрастная композиция рассказа, парная антитечность персонажной системы, искусственность и избыточность сюжетных поворотов наррации. Впервые в ходе интерпретации самого раннего рассказа Шолохова актуализируются принцип объективности, позволяющий выявить ранее не эксплицируемые критикой недостатки письма молодого начинающего прозаика и значимость рассказа «Родинка» для вызревания авторской позиции художника, классика советской и русской литературы. Использование сравнительно-сопоставительного подхода дает возможность расширить проблемно-тематические аллюзии раннего шолоховского текста и иначе взглянуть на «хрестоматийный» донской текст писателя. Именно ранний рассказ «Родинка», сам по себе «ученический», схематичный и тенденциозный, стал для Шолохова той точкой отсчета, откуда в его малой и большой эпике появились христианско-религиозные мотивы, образы, символы, позволившие ему в дальнейшем передать глубокий трагизм событий братоубийственной гражданской войны. Подчеркивается роль рассказа «Родинка» не в плане его художественной зрелости, но значимости для формирования творческого мировоззрения русского советского классика, лауреата Нобелевской премии.

Ключевые слова: советская литература, М. Шолохов, «Родинка», проблемы критической рецепции, истоки и эволюция

Введение

Среди «Донских рассказов» Михаила Шолохова рассказ «Родинка» наиболее известен и популярен. Как в советские, так и в постсоветские годы рассказ включен в программу по русской

The article examines the issue of the evolution of Mikhail Sholokhov's artistic worldview and the formation of the poetics of his early works. Using the example of Sholokhov's very first story "The Birthmark", the dotted features of Christian symbolism are revealed, which the writer will later actively resort to. The purpose of the analysis is to determine the specifics of the figurative — motional and structural-compositional features of the story "The Birthmark" and to determine their role in the dynamics of improving the creative skills of the writer. The article shows that, recognized by critics as the "strongest" of the writer's "Don Stories", in fact, Sholokhov's early text is very schematically and tendentiously constructed. "The Birthmark" is only the first sample of the pen of a young Komsomol journalist who was just looking for his place in literature. The "binary" contrasting composition of the story is traced, the paired antitheticism of the character system is considered, the artificiality and redundancy of the narrative plot twists are established. For the first time, during the interpretation of Sholokhov's earliest story, the principle of objectivity was actualized, which allowed to identify the shortcomings of the writing of a young novice novelist that had not been previously explicated by criticism, and the importance of the story "The Birthmark" for the maturation of the author's position of the artist, a classic of Soviet and Russian literature, was established. The use of a comparative approach made it possible to expand the problem-thematic allusions of the early Sholokhov text and take a different look at the 'textbook' Don text of the writer. It is shown that it was the early story "The Birthmark", itself "student-like", schematic and tendentious, that became for Sholokhov the starting point from where Christian-religious motifs, images, symbols appeared in his small and large epic, which allowed him to further convey the deep tragedy of the events of the fratricidal civil war. In conclusion, the importance of the story "The Birthmark" is emphasized not in terms of its artistic maturity, but its significance for the formation of the creative worldview of the Russian Soviet classic, Nobel Prize winner.

Keywords: Soviet literature, M. Sholokhov, "The Birthmark", problems of critical reception, origins and evolution

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>); Russian Christian Humanities Academy named after F.M. Dostoevsky. F.M. Dostoevsky.

литературе в средней школе: в поиске сопоставительных параллелей к нему часто обращаются школьные учителя, содержание рассказа хорошо и памятно закреплено в сознании российского читателя с юных лет.

Если обратиться к научному анализу «донских» рассказов Шолохова, то и в данном случае на первом плане исследовательского поиска неизменно оказывается текст «Родинок» (достаточно взглянуть на последние исследования по «Донским рассказам» [2; 5; 8; 11; 13; 14; 16–18; 20, 22–24]).

Между тем привлекает к себе внимание факт первых публикаций рассказа. Согласно дате, стоящей под текстом, рассказ «Родинка» был написан в 1924 г. и тогда же опубликован в газете «Молодой ленинец» (14 декабря. № 144). Впоследствии, когда молодым начинающим прозаиком были созданы и другие рассказы о гражданской войне на Дону, «Родинка» вошла в сборник под названием «Донские рассказы», изданном в 1925 г. (М.: Новая Москва, 1926²). Подготовленный сборник включал в себя восемь рассказов, «Родинка» открывала книгу.

Первый сборник «Донских рассказов» сопровождался предисловием уже известного к тому времени писателя А.С. Серафимовича, как и Шолохов, происходившего с Дона и покровительствовавшего молодому земляку. Серафимович писал:

Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык — тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды. Чувство меры в острых моментах, оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбирать из многих признаков наихарактернейшие [26. С. 213–214].

В восприятии «Родинок» советская критика была и остается единодушной: «Небольшой рассказ М. Шолохова “Родинка” — всего в шесть страниц — один из самых сильных в творчестве писателя» [3. С. 12]. Однако, когда «Донские рассказы» были подготовлены Шолоховым к печати в 1929 г. (16-й выпуск «Роман-газеты»), опубликованы были уже десять рассказов, но «Родинок» среди них не было. В 1931 г. донские рассказы выходили под названием «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923–1925» (издательство «Земля и фабрика»). «Лазоревая степь» фактически повторяла состав первого выпуска «Донских рассказов» (1925), но из восьми уже известных читателю рассказов были опубликованы лишь семь — «Родинка» вновь не вошла в состав сборника. В последующие советские годы многократно выходившие сборники «малой прозы» Шолохова, как правило, включали в себя «Родинку», но ее *изымание* в 1920-е — начале 1930-х годов примечательно и требует объяснений.

Исследователь из Самары З.Н. Бакалова видит причину не-публикации «Родинок» в том, что «долгое время пафос рассказа не звучал в полном единстве с господствующей идеологией <...>» [3. С. 12]. Однако, на наш взгляд, подобное заключение спорно: скорее наоборот, рассказ «Родинка» значительно более прямолинейно, чем другие донские рассказы, выражал приверженность молодого автора идеям советской власти и необходимости ее установления на Дону. Вероятно, дело в ином.

Прежде всего очевидно, что первые сборники донских рассказов 1920–30-х годов составлялись при участии и с согласия автора, в тот период активно сотрудничавшего с литературно-художественным журналом советской молодежи «Комсомолия» (редактор А. Жаров). Именно в «Комсомолии» были впервые опубликованы многие из последующих шолоховских донских рассказов — «Бахчевник», «Смертный враг», «Лазоревая степь», «Батраки», «Илюха», «Жеребенок», «Семейный человек», «Двумужняя» и др. В этой связи тем более интересно, почему столь полюбившийся советскому читателю рассказ «Родинка» (как многократно повторялось в критике, «самый сильный»), можно предположить, самым автором сознательно «придерживался» при републикации. Ответ на этот вопрос может дать текст рассказа — *первый* среди художественных произведений начинающего писателя.

² Даты на обложке и на титуле книги разнятся — соответственно 1925 и 1926 г.

Результаты исследования и их обсуждение

Хронологические координаты рассказа — 1920-е годы, период Гражданской войны и еще более точно — преимущественно 1918 г., трагический период Верхне-Донского казачьего восстания против советской власти.

На самом поверхностном уровне конфликт рассказа идеологический: белые противостоят красным, молодой красногвардеец Николка Кошевой — старому казачьему атаману. Именно этому контрастному принципу, сквозной антитезе, и подчиняется композиционный нарратив, им опосредовано зачинное знакомство имплицитного реципиента с двумя центральными персонажами. Первый из них, Николка Кошевой, первоначально представлен сухими анкетными данными: «Командир эскадрона. Землероб. Член РКСМ. <...> 18 лет» [25. С. 203]. Далее — внешний облик, и он уже дихотомичен:

...не по летам выглядит. Старят его глаза в морщинках лучистых и спина, по-стариковски сутулая, — мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, говорят шутя в эскадроне, — а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира [25. С. 203].

Глаза 18-летнего паренька в *морщинках*, спина *по-стариковски* сутулая, в бой ступает не хуже *старого* командира. Внутри словесной характеристики использован противительный союз «а» — *а подыщи другого...*

Внешняя портретная характеристика усилена внутренней: молодой боевой командир безграмотен («Военком стыдит: мол, слова правильно не напишешь, а еще эскадронный...» [Там же. С. 205]), но юноша мечтает учиться: «Учиться бы поехать куда-нибудь, а тут банда... <...> я уж умурился так жить... Опостытело всё...» [Там же]. Герой юн и смел, но по-стариковски мудр и целенаправлен, хочет учиться — *а* тут банда... Фабульные и стилевые контрасты многочисленны. Тяга к образованию привносит в образ молодого командира возвышенно гуманистические черты и намечает еще одно радикальное противопоставление: мир ↔ война.

Перечислительный ряд предметов, которые заполняют стол молодого красноармейца («На столе гильзы патронные, пахнущие сгоревшим порохом, баранья кость, полевая карта, сводка, уздечка наборная с душком лошадиного пота, краюха хлеба» [Там же. С. 203]), служит актуализации бытовой обстановки, в которой находится герой: с одной стороны, боевая занятость (патроны, полевая карта, сводка), с другой — житейский недостаток времени поесть или отдохнуть (кость, кусок хлеба на столе и др.).

Все слагаемые образа молодого персонажа формируют характер деятельный, активный, боевой, целеустремленный. Если в подтексте и проступает легкая авторская ирония, то она не носит снижающей коннотации, скорее придает образу трогательные оттенки.

Совершенно иначе представлен другой персонаж — старый атаман. Прежде всего он намеренно безымянный, лишен имени, фамилии или прозвища. И причины тому не в типизации образа, а в прагматике наррации: если бы автор назвал фамилию атамана (Кошевой), то его связь с красногвардейским командиром была бы эксплицирована с первых строк. Шолохов намеренно оттягивает момент «узнавания» героя.

Казаки, во главе которых стоит безымянный атаман, определены как *банда*, причем во внутренней (несобственно-прямой) речи и сам атаман так называет «полсотни казаков донских и кубанских, властью Советской недовольных» [25. С. 205]. Лексема «банда» привносит негативный оттенок в определение казачьего отряда, поэтому несколько неубедительно, что сам атаман использует подобную дефиницию.

Зооморфное сравнение — волк/волки — изначально пронизывает метафорику образа банды. «Бородатые станичники» [Там же. С. 206] «трое суток, как набелившийся волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно <...> Так и уходят *по-волчьи* <...>» [Там же] (курсив мой. —

О. Б.). В финальных строках рассказа (в непосредственной связи с образом атамана) на опушку выйдет настоящий лесной волк:

Из бурелома на бугор выскочил волк, репьями увешанный. <...> Постоял волк и не спеша, вперевалку, потянув в лог, в заросли пожелтевшей нескошенной куги... [Там же. С. 210].

Прямое и опосредованное сравнение с волком (в традиции русского фольклора) порождает представление о банде (стае) хищников, свирепых и злых, жестоких и страшных.

Деловитость и активность молодого командира противопоставлена пьянству и разгулу «недовольных» казаков: «...все кучера и пулеметчики пьяно кособочатся на рессорных тачанках» и «атаман дня не бывает трезвым» [Там же. С. 206]. Объяснение пьянству атамана повествователь находит самое простое, даже поверхностное:

... дня трезвым не бывает потому, что пахуче и сладко цветет жито в степях донских, опрокинутых под солнцем жадной черноземной утробой, и смуглощекие жалмерки по хуторам и станицам такой самогон вываривают, что с водой родниковой текучей не различить [Там же].

Как и у молодого командира, почти анкетно (краткими назывными предложениями) изложена судьба атамана:

Семь лет не видал атаман родных куреней. Плен германский, потом Врангель, в солнце расплавленный Константинополь, лагерь в колючей проволоке, турецкая фелюга со смолистым соленым крылом, камыши кубанские, султанские, и — банда [Там же].

Графически пунктуационно аксиологически «сниженная» банда выделена и акцентированно помещена в концевую позицию.

Если о прошлом юного персонажа повествует трогательная история с конем, на котором его учил держаться пропавший без вести (еще «на Германской») отец, то об атамане сказаны невнятные и «мутные» слова: «Боль <...> точит изнутри, тошнотой наливает мускулы, и чувствует атаман: не забыть ее и не залить лихоманку никаким самогоном» [Там же]. Причем эта «лихоманка» так глубоко упрятана повествователем внутри рассказа о казачьем самогоне, что едва мелькнувший абрис боли исчезает почти незамеченным. Итогом портретирования атамана становится фраза: «Зачерствела душа у него, как летом в жарынь черствеют следы раздвоенных бычачьих копыт возле музги степной» [Там же]. *Зачерствела душа...*

Очевидно, что образы героев-антиподов Николки и атамана банды начинающий прозаик Шолохов создает с явной и (почти) нескрываемой тенденциозностью. С одним героем связаны коннотации исключительно позитивного плана, с другим — негативного. Признаков психологической нюансировки характеров нет, герои позиционированы контрастно и отчетливо антитетично.

Казалось бы, образы двух центральных персонажей уже ясно маркированы, характеристически аксиологизированы. Однако с целью расширения пространственного фона и в поисках «независимого» судии противопоставленных персонажей в рассказе Шолохова появляется еще один герой — мельник Лукич. Принцип парности срabатывает и применительно к нему: Лукич попадает в весьма сходные, идентичные по сути, но в оценочном плане *контрастные* ситуации с атаманом и молодым командиром.

Серединную часть рассказа занимает эпизод, когда банда во главе с атаманом появляется на мельнице Лукича и отбирает сберегаемое им на зиму зерно. Банда совершает жестокий грабеж: «Год я его по зернушку собирал, а ты конями потравить норовишь...» [25. С. 208]. Семантика сюжетного ожидания находит свое подтверждение: казаки ведут себя грубо и жестоко. Лукича называют не иначе как «старым хреном» и «старой сволочугой», обманывают мельника, бранятся, заставляют старика присягать им — «землю есть» [25. С. 207–208].

Желая фабульно сбалансировать моральный ценз ситуации, автор отправляет героя Лукича в поисках справедливости на хутор, где расположились красные, чтобы теперь персонаж-

мельник предстал перед молодым командиром. Атмосфера кардинально меняется. Красные строги с незнакомым стариком, но не грубы и не страшны. А когда Лукич узнает Николку, в разговоре (в противовес «супостатникам») появляются слова «свои» и «родные» [Там же. С. 209]. Нравственный пафос эпизодов обретает оценочную определенность.

Как видно, контрастные ситуации с Лукичом намеренно соотнесены и аксиологически прямолинейно противопоставлены, но они избыточны по своей сути и в значительной мере схематичны. Это тем более очевидно, что *старый казак*, к тому же *собственник-мельник*, держит сторону красных, а не белых (ср. в других текстах цикла «Донские рассказы»). Мотивированным оправданием появления Лукича в тексте может служить только его сюжетно-структурная функция — мельник сообщает красногвардейцам, где расположилась банда.

Столь же прямолинейно и тенденциозно изображается в рассказе и столкновение красногвардейцев и банды казаков. Бой длится на удивление непродолжительно и заканчивается быстро. Успех красных стремителен и бесспорен.

— Наметом! — крикнул Николка и, чуя за спиной нарастающий грохот копыт, вытянул своего жеребца плетью. У опушки отчаянно застучал пулемет, а те, на шляху, быстро, как на учении, лавой рассыпались [25. С. 209].

...цепь, изломанная беспрестанным огнем пулеметов, уже захлестнулась в неудержимом бегстве... [Там же. С. 210].

Победа достигнута молниеносно и сказочно просто.

Теперь рассказовое поле расчищено для окончательного поединка главных героев. Впереди финальное столкновение — между командиром Николкой и старым атаманом. Сцена поединка воссоздана с элементами традиционного символизма. Бурка Николки, наброшенная на плечи, развевается, как крылья — он мчит на волка-атамана «раскрылатившись» [Там же]. Птичье-звериная символика подчеркнута семантически: птица «плюс», волк «минус» [12. С. 346–349]. Правда, молодой Шолохов не выдерживает орнитологическую образность до конца: опытный атаман дождался, когда у командира красноармейцев закончится обойма, потом «поводья пустил и *налетел коршуном*» [25. С. 210]. Происходит размывание символики птицы, но коршун — птица хищная и потому (своеобразно, хотя и непоследовательно) дополняет образ волка.

Не заметить схематизма и искусственности сюжетно-композиционного и образно-мотивного построения рассказа Шолохова нельзя. Однако «Родинка», как уже было отмечено, пользуется устойчивой любовью читателей и критиков, школьных учителей и их подопечных. Возникает вопрос: почему?

Дело в том, что начинающему писателю Шолохову удалось необычайно пронзительно создать кульминационную сцену — узнавание атаманом в убитом им красноармейце собственного сына.

Медленно, словно боясь разбудить, вверх лицом повернул холодеющую голову, руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бугристым валом, всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:

— Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя...

Чернея, крикнул:

— Да скажи же хоть слово! Как же это, а? [Там же. С. 211].

Вынесенная в название *родинка*, размером с голубиное яйцо [Там же. С. 210], становится знаком-символом, способствующим трагическому узнаванию. Примечательно, что родинка у Шолохова семантизируется, обретает форму яйца, причем голубиною. В силу вступает знакомая христианско-православная символика — яйцо и голубь. Яйцо как символ перерождения, преодоления смерти, как возрождение; голубь — как дух, душа, Дух Божий.

Традиционная христианская символика преодолевает конкретику ситуации, переводит идею политической борьбы на уровень универсалий духовного плана. В рассказе «Родинка» эти философские универсалии оказались лишь слегка намеченными, едва контурированными. Однако

позднее, в рассказе «Семейный человек», тот же образный ряд (голубь, верба, Пасха) позволит Шолохову пере(вос)создать историю трагической судьбы не только с(С)ына, но о(О)тца, вынужденного отдать свое дитя на смерть во спасение жизни многих. В «Семейном человеке» смерть двоих сыновей казака Микишары оказывается на весах рядом с жизнью других «семерых по лавкам», тех «малых», ради которых отец отдает на заклание двух старших своих сыновей, в том числе любимого сына Данилушку. И если в более позднем по времени написания «Семейном человеке» трагедия старого паромщика Микишары будет неизбежной, непреодолимой, извечной (его не простят не только односельчане, но и собственные дети, те малые, ради которых отец и совершил преступление, пошел на убийство собственных сыновей), то в раннем рассказе «Родинка» искупление настигает отца скоро, облегченно, мгновенно: «К груди прижимая, поцеловал атаман стынувшие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот...» [Там же].

Категории вины, преступления, искупления (*христианских* категорий вины, преступления, искупления) в рассказе «Родинка» остаются даже не в подтексте, а за текстом. В среде собратьев-писателей из «Комсомолии» было бы не только неестественно, но и неосторожно ввести в советский текст религиозные мотивы. Советские идеалы комсомольца Николки оказываются ощутимо весомее трагедии отца-казака, волею трагических обстоятельств оказавшегося убийцей собственного сына. К тому же и, как писатель, Шолохов был еще весьма малоопытен: напомним, «Родинка» была его *первым рассказом*.

Появившаяся в газете сразу после написания, в том же 1924 г. (дата, стоящая под текстом), «Родинка» обрела свою публично-публикационную фиксацию. Впоследствии она уже вряд ли могла иметь другие текстовые варианты: стилевые и тем более смысловые правки были бы уже запоздалыми (и, скорее всего, недопустимыми). На наш взгляд, именно это обстоятельство, довольно скоро осознанное талантливым молодым Шолоховым, и приводило к тому, что рассказ «Родинка» не включался автором в уже названные сборники 1929 и 1931 г. Высокая требовательность к себе, осознание тенденциозного схематизма раннего рассказа вынуждали быстро набирающего силу писателя отказаться (по возможности) от републикации «Родинки», но развивать ее «потаенные» мотивы, образы, символику в последующих донских рассказах, аккумулируя трагизм казачьих событий 1920-х годов на Дону в художественных текстах имплицитно.

Выход на религиозную символику в рассказе «Родинка» подсказывал молодому Шолохову пути дальнейшего воплощения трагической темы братоубийственной гражданской войны, которыми он воспользовался как при создании последующих «Донских рассказов», так и «Донщины» (первоначальное название романа-эпопеи). Не случайно критик И.Г. Лежнев увидел в «Донских рассказах» Шолохова претекст будущей трагической эпопеи: «Донские рассказы» стали «предысторией “Тихого Дона”» [15. С. 143], можно уточнить, в особенности третьего тома эпопеи, связанного с событиями казачьего восстания на Верхнем Дону в 1918 г.

Заключение

В ходе создания достаточно «простого» рассказа «Родинка», повторим, по-своему схематичного и сконструированного логически выверенно, молодой писатель Шолохов осознал способ выражения глубинного трагизма изображаемых событий: он стал весьма тонко и филигранно вводить в советский текст христианскую символику, использовать библейскую образность, опираться на знакомые православному читателю мотивы и символы. Мирская предметность нередко стала у молодого прозаика выступать субститутотом религиозной семантики. Шолохов-писатель очень рано определил для себя то направление, которое давало ему возможность создавать

реалистическую прозу, не опосредованную сиюминутными идеалами и канонами, но преодолевающую границы исторического времени. Даже осторожные в суждениях о советской литературе писатели-эмигранты первой волны признавали за Шолоховым мастерство и подлинный талант. Г.В. Адамович писал:

В заслугу ему (Шолохову) надо поставить и то, что он не сводит бытие в схеме в угоду господствующим в России тенденциям <...> Шолоховские герои всегда и прежде всего люди: они могут быть коммунистами или белогвардейцами, но эта их особенность не исчерпывает их внутреннего мира. Жизнь движется вокруг них во всей своей сложности <...> Фальши нет почти совсем [1. С. 3].

Другое дело, что советская критика того времени *на свой лад* интерпретировала шолоховские тексты, например, в «Родинке» делая акцент не на трагизме невольной вины отца, но на высоко революционном служении сына. Идейная установка «Донских рассказов» в целом, а следовательно, и рассказа определялась в парадигме самой общей партийной аксиологии:

Все, кто борется за правое дело, за революцию, за счастье народа, согреты теплом большого шолоховского сердца <...> Все рассказы пронизаны верой в сильного, волевого, мужественного героя, стойкого в борьбе и преодолении препятствий [19; 26. С. 720–722].

Примечательно, что и до последнего времени в отечественном литературоведении продолжает эксплуатироваться и актуализироваться советски атеистический код восприятия, когда в «Родинке» воспевается *смерть* молодого героя, но остается в тени *смерть* отца (особенно печально, что такой ракурс предлагается в школе (см., например, сайт для школьников и учителей «Открытый урок. Первое сентября» [4]). В школьно-вузовской программе интерпретация рассказа «Родинка» упрощена и уплощена, лишена подлинного шолоховского трагизма.

В современных научных работах всё еще можно обнаружить и высказывания о том, что «в библейском комплексе мотивов в прозе Шолохова можно видеть и знак следования русской литературной традиции, и средство утверждения высшей для писателя правоты большевиков...» [20. С. 33]. Вряд ли суждения подобного рода справедливы и имеют отношение к прозе (и мировоззрению) Михаила Шолохова, скорее представляют собой «перенос» субъективной позиции критика на текст выдающегося художника.

Между тем справедливости ради в заключение следует отметить, что в исследованиях последних десятилетий современными шолохововедами сделан существенный шаг в направлении осознания символической значимости религиозной мотивики «большой» и «малой» эпики Шолохова [6; 7; 9–10; 20; 21; 23; 24; 26; 27], когда через ее посредство критика открывает новые грани художественного дарования русского советского писателя-классика.

Литература

1. Адамович Г.В. Шолохов // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1933. 10 сентября. С. 3.
2. Абашева Д.В. Поэтика народной культуры в «Донских рассказах» М. Шолохова // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 416–423.
3. Бакалова З.Н. Гражданская война в рассказе М. Шолохова «Родинка»: пафос рассказа и его языковая репрезентация // Балтийский гуманитарный журнал. Серия: Филологические науки. 2015. № 1 (10). С. 12–14.
4. Бондарева М.И. Сопоставительный анализ рассказов М.А. Шолохова «Родинка» и «Семейный человек» (2021). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/630521>
5. Богданова О.В., Баранова Т.Н. Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек») // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 4. С. 189–206.

References

1. Adamovich G.V. Sholokhov // Novoe russkoe slovo. New-York, 1933. 10 sentiabria. S. 3.
2. Abasheva D.V. Poetika narodnoi kul'tury v «Donskikh rasskazakh» M. Sholokhova // Prepodavatel' XX vek. 2016. No. 1. S. 416–423.
3. Bakalova Z.N. Grazhdanskaia voina v rasskaze M. Sholokhova «Ro-dinka»: pafos rasskaza i ego iazykovaia reprezentatsiia // Baltiiskii humanitarnyi zhurnal. Serii: Filologicheskie nauki. 2015. No. 1 (10). S. 12–14.
4. Bondareva M.I. Sopostavitel'nyi analiz rasskazov M.A. Sholokhova «Rodinka» i «Semeinyi chelovek» (2021). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/630521>
5. Bogdanova O.V., Baranova T.N. Religioznye motivy v sovetskoi proze M. Sholokhova (rasskaz «Semeinyi chelovek») // Nauchnyi dialog. 2024. T. 13. No. 4. S. 189–206.

6. Васильев А.И. Фразеологический словарь языка М.А. Шолохова. Т. I, II. Стерлитамак: Фобос, 2015, 2019.

7. Галкин А.Б. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» и Книга Иова. URL: http://lit.lib.ru/g/galkin_a_b/sudba.shtml

8. Глушков Н.И. Национальная совесть М.А. Шолохова в расколотом зеркале литературной критики сегодня // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России: сб. ст. Ростов н/Д: Ростиздат, 2000. С. 129–132.

9. Дырдин А.А. Жанр притчи в идейно-художественном мире Михаила Шолохова // Творческое наследие М.А. Шолохова в начале XXI века. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 98–112.

10. Дырдин А.А. Свобода воли как лейтмотив прозы М.А. Шолохова // Филологический класс. 2013. № 1 (31). С. 18–23.

11. Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб.: Академический проект, 2000. 441 с.

12. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 346–349.

13. Комирная Н.Ю. Художественная концепция судьбы в «Донских рассказах» М.А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

14. Крылова М.Н. Выражение языковой личности М.А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 166–169.

15. Лежнев И.Г. Михаил Шолохов. М.: Советский писатель, 1948. 519 с.

16. Маслова И.Б., Рудыкина И.Б. Функциональная семантика обращений в «Донских рассказах» М. Шолохова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 1. С. 30–35.

17. Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2007.

18. Олина М.О., Звягинцева С.М. Революция и сердце ребенка («Донские рассказы» М.А. Шолохова) // Филологический класс. 2005. № 14. С. 65–68.

19. Петелин В.В. Критики и литературоведы о «Донских рассказах» (2012). URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm>

20. Поль Д.В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М.А. Шолохова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 52 с.

21. Семанов С.Н. Православный «Тихий Дон». М.: Наш современник, 1999. 142 с.

22. Семенова С. «Донские рассказы»: от поэтики к миропониманию // Новое о Михаиле Шолохове: исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 207–281.

23. Стюфляева Н.В. Идея соборности и ее художественное воплощение в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 19 с.

24. Чалова А.П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М.А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2007. 21 с.

6. Vasil'ev A.I. Frazеologicheskii slovar' iazyka M.A. Sholokhova. T. I, II. Sterlitamak: Fobos, 2015, 2019.

7. Galkin A.B. Rasskaz M. Sholokhova «Sud'ba cheloveka» i Kniga Iova. URL: http://lit.lib.ru/g/galkin_a_b/sudba.shtml

8. Glushkov N.I. Natsional'naia sovest' M.A. Sholokhova v raskolotom zerkale literaturnoi kritiki segodnia // Sholokhovskie chtenia. Tvorchestvo pisatel'ia v natsional'noi kul'ture Rossii: sb. st. Rostov n/D: Rosizdat, 2000. S. 129–132.

9. Dyrdin A.A. Zhanr pritchi v ideino-khudozhestvennom mire Mikhaila Sholokhova // Tvorcheskoe nasledie M.A. Sholokhova v nachale XXI veka. Moscow: IMLI RAN, 2022. S. 98–112.

10. Dyrdin A.A. Svoboda voli kak leitmotiv prozy M.A. Sholokhova // Filologicheskii klass. 2013. No. 1 (31). S. 18–23.

11. Ermolaev G.S. Mikhail Sholokhov i ego tvorchestvo. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000. 441 s.

12. Ivanov V.V., Toporov V.N. Ptitsy // Mify narodov mira: entsiklopediia / gl. red. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1992. T. 2. S. 346–349.

13. Komirnaia N.Yu. Khudozhestvennaia kontseptsiiia sud'by v «Donskikh rasskazakh» M.A. Sholokhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005.

14. Krylova M.N. Vyrazhenie iazykovoi lichnosti M.A. Sholokhova posredstvom sravnitel'nykh konstruktssii (na materiale «Donskikh rasskazov») // Perspektivy nauki i obrazovaniia. 2013. No. 6. S. 166–169.

15. Lezhnev I.G. Mikhail Sholokhov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1948. 519 s.

16. Maslova I.B., Rudykina I.B. Funktsional'naia semantika obrashchenii v «Donskikh rasskazakh» M. Sholokhova // Vestnik RUDN. Seria: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'. 2007. No. 1. S. 30–35.

17. Murav'eva N.M. Proza M.A. Sholokhova: ontologiia, epicheskaia strategiiia kharakterov, poetika: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, 2007.

18. Olina M.O., Zviagintseva S.M. Revoliutsiia i serdtse rebenka («Donskie rasskazy» M.A. Sholokhova) // Filologicheskii klass. 2005. No. 14. S. 65–68.

19. Petelin V.V. Kritiki i literaturovedy o «Donskikh rasskazakh» (2012). URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm>

20. Pol' D.V. Universal'nye obrazy i motivy v realistskoi epike M.A. Sholokhova: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2008. 52 s.

21. Semanov S.N. Pravoslavnyi «Tikhii Don». Moscow: Nash sovremennik, 1999. 142 s.

22. Semenova S. «Donskie rasskazy»: ot poetiki k miroponimaniu // Novoe o Mikhaile Sholokhove: issledovaniia i materialy. Moscow: IMLI RAN, 2003. S. 207–281.

23. Stiufliieva N.V. Ideia sobornosti i ee khudozhestvennoe voploshchenie v romane M.A. Sholokhova «Tikhii Don»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Elets, 2004. 19 s.

24. Chalova A.P. Sistema khristianskikh motivov v khudozhestvennom mire «Tikhogo Dona» M.A. Sholokhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Surgut, 2007. 21 s.

25. Шолохов М.А. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 7. 415 с.

26. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: Синергия, 2012. 1215 с.

27. Юдин В.А. Православно-христианский аспект эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Журналистика: информационное пространство. 2002. № 1. С. 125–128.

25. *Sholokhov M.A. Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t. Moscow: Khudozh. lit., 1969. T. 7. 415 s.*

26. *Sholokhovskaia entsiklopediia / gl. red. Yu.A. Dvoriashin. Moscow: Sinergiia, 2012. 1215 s.*

27. *Yudin V.A. Pravoslavno-khristianskii aspekt epopei M.A. Sholokhova «Tikhii Don» // Zhurnalistika: informatsionnoe prostranstvo. 2002. No. 1. S. 125–128.*

Богданова Ольга Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского

Bogdanova Olga V.,

Doctor of Philology, Professor,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University;
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

e-mail: olgabogdanova03@mail.ru

